

FORMATION OF OUTLOOK OF SOVIET TEENAGERS OF THE SECOND HALF OF THE 1930s

*M.Y. Antimonov, PhD in History, Associated Professor
of the Department of History and Philosophy, Tambov
State Technical University*

Processes of formation of new consciousness of young generation of the second half of the 1930s have been considered. The tools which helped to implement this process are the state ideology, socialist competition, antireligious propagation, patriotic education.

Keywords: *atheism, state ideology, outlook, patriotism, religion, socialist competition.*

УДК 93/94 “1920/1930”

КЛЮЧЕВЫЕ ЗАДАЧИ ВКП(б) И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В АГРАРНОЙ СФЕРЕ В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг.

*Т.А. Мельникова, кандидат исторических наук,
первый проректор Северо-Кубанского
гуманитарно-технологического института*

Рассматривается политика партии большевиков и Советского правительства в деревне в 1920-х – начале 1930-х гг. Дан подробный анализ изменения трудовых отношений в сельском хозяйстве в период коллективизации и индустриализации сельскохозяйственного производства. Рассмотрен процесс аграрных преобразований в стране, направленный на превращение крестьянского мира в часть государственной системы и постановки сельскохозяйственного производства под контроль бюрократического аппарата. Показано противостояние крестьянских масс натиску большевиков, социальное и имущественное расслоение в деревне и борьба интересов различных социальных групп.

Ключевые слова: *деревня, аграрный сектор, имущественное расслоение, крестьянство, община, крестьянский вопрос, коллективизация, индустриализация, социальная стратификация, трудовые отношения, бюрократия.*

Начавшаяся осенью 1927 г. сталинская «революция сверху» привела к разработке специальных докладов «о классовой борьбе», «об антисоветской деятельности», «о кулацком сопротивлении» и т.п. Эти материалы анализировались Информационным отделом ЦК ВКП(б), который на их основе составлял развернутые обзоры о настроениях, господствующих в деревне, о формах и методах противодействия властям.

Изучив сведения, предоставленные ОГПУ о перевыборах в Советы (1927–1928 гг.), Информотдел ЦК ВКП(б) суммировал основные требования, выдвигаемые верхушкой деревни, и методы борьбы за их осуществление. К политическим были отнесены следующие требования (здесь и далее сохранена формулировка документов):

- 1) свержение Советской власти;
- 2) Советы без коммунистов; тайное голосование и свобода для всех политических партий; пропорциональное представительство в Советах рабочих и крестьян;

- 3) объединение тружеников деревни в крестьянские союзы;
- 4) не делить крестьян на кулаков, середняков и бедноту;
- 5) представительства в советах различных слоев крестьянства;
- 6) не лишать кулаков избирательных прав [1].

К экономическим были отнесены следующие требования:

- 1) долой монополию внешней торговли;
- 2) свобода частной торговли, закрыть кооперативную;
- 3) снижение цен на промтовары и повышение их на хлеб;
- 4) отменить государственные хлебозаготовки;
- 5) против существующей системы сельскохозяйственного налога;
- 6) против самообложения и займов;
- 7) против классового принципа распределения кредитов;
- 8) против коллективов и коллективизации;
- 9) против землеустройства, ссудных, страхования [2].

Как видно, формулировки требований крестьян не были случайными, они в значительной степени отражали общеполитическую атмосферу деревни. Многие из названных требований характерны были и для крестьян Московской, Тверской, Ярославской и Тульской губерний. В частности, по пункту первому «Свержение Советской власти» в информации с мест приводились примеры, свидетельствующие о готовности части сельских жителей оказать материальную помощь. «Ничего не пожалею, последнюю корову отдам, лишь бы уничтожить эту проклятую власть», - заявляли некоторые из них. Другие агитировали не давать хлеба государству, полагая, что «это вызовет восстание рабочих, а мы их поддержим и свергнем Советы». Иные считали: «у нас должна быть диктатура крестьянства, а не пролетариата, так как крестьян у нас гораздо больше» [3].

Жители села Троицкого Комаровского района Тульской губернии выдвинули лозунг: «Долой коммунистов-самозванцев, долой Советскую власть». Подмосковные крестьяне негодовали: «На кой нам черт соввласть, мы не понесем налога и не будем его платить». Оппозиционно настроенные жители Тверской губернии требовали: «Дайте нам оружие, мы знаем, что делать» и т.п. [4, с. 569, 581]. Подтверждалось требование крестьян по пункту второму: «Соввласть без коммунистов». Это требование-лозунг имело весьма широкое толкование: от невмешательства партии в руководство работой Советов, автономии соворганов по отношению к партии, введения тайного голосования на выборах и свободы действий для всех политических партий до недопуска коммунистов в местные Советы: «Советы без коммунистов».

Так, в д. Ивашково Богородского уезда Московской губернии зажиточные крестьяне агитировали своих односельчан: «Коммунистов в Советы не выбирайте, они неправильно лишают права голоса трудовых крестьян. Если вы выберете коммунистов, то на следующий год полдеревни будут лишены голоса». В Тульской губернии органами ОПТУ было зарегистрировано следующее крестьянское заявление: «Нужен обязательно переворот, чтобы нам коммунистов пересчитать, а то они поналезли во власть и большое жалование берут, а с нас, крестьян, дерут большие налоги» [5, с. 485].

Попутно выдвигалось требование пропорционального представительства в Советах рабочих и крестьян, что в частности, имело место в Тверской губернии: «Должна быть власть народа в лице его свободно избранных представителей на основе пропорционального представительства всех классов населения» [6, с. 803].

По пункту третьему «требование крестьянского союза» информационные сводки располагают обширным материалом. Это требование выдвигалось в частных беседах крестьян и на общих крестьянских собраниях. Известны случаи его внесения в наказы при пере выборах Советов, имеются соответствующие постановления крестьянских собраний и фактическое создание крестьянских союзов под флагом «самопомощи» [7].

Кроме того, дальнейшее сохранение объективных противоречий в положении рабочего класса, с одной стороны, и крестьянства – с другой, способствовало популярности идеи создания крестьянской партии [8, с. 112]. Только за лето 1927 г. было зарегистрировано 10 случаев агитации за «кресткомы» в Московской губернии, 4 случая – в Тульской губернии и 3 случая – в Тверской губернии. Подмосковные крестьяне на пленуме Софринского волисполкома Сергиевского уезда предлагали: «Нам нужно организовать в крестьянский союз и предъявить Соввласти требования. Если же этого не сделаем в ближайшее время, то они окончательно окрепнут и нас совсем задуют». В с. Дубки Оболенского района вопрос о «крестоюзе» активно обсуждался группой середняков и бедняков при участии членов местной партячейки. Их поддержало все местное население считающее, что советская власть не позволяет организовать «крестоюзы», так как бороться в отдельности с мелкими крестьянскими хозяйствами ей намного легче, «ведь крестьянин бессилен и жаловаться ему некуда» [9, с. 72-76].

Идентичное мнение высказывалось на общем сельском собрании в Тверской губернии: «Соввласть боится разрешить крестьянину открывать союз, ибо организованный крестьянин не будет выполнять распоряжения вышестоящих органов, где сидит рабочий пролетариат и жмет крестьянина». Подобные выступления тщательно протоколировались партийными чиновниками и направлялись в соответствующие инстанции, а проявляющие наибольшее недовольство селяне «брались на карандаш».

По пункту четвертому требований «не делить крестьян на группы по классовому признаку» хлеборобы считали, что «крестьян нужно делить не на кулаков, середняков и бедноту, а на тружеников и лодырей». Схожие мотивы прослеживаются и в выступлении зажиточных сельхозпроизводителей на расширенном пленуме Пахомовского районного исполнительного комитета (Тульская губерния): «Власть напрасно раздувает опасность кулака, так как по всему району кулаков имеется 46 человек, из которых 20 попов, а потому 26 хозяйств на перевыборную кампанию оказать влияние не могут. Опасность для власти заключается не в тех 10 кулаках, какие имеются в районе, а опасностью является вообще участие крестьян в Советах, почему и урезают так резко избирательные права крестьян. Если мы читаем вывески “Совет рабочих и крестьянских депутатов”, то это только для отвода глаз, фактически же крестьянство на 80 процентов к власти не допускается» [10].

По пункту пятому относительно равноправного представительства в Советах различных слоев крестьянства имеются факты, что в отдельных случаях этот лозунг преломляется в требование организации второго «середняцкого» совета и двух председателей – одного от бедняцкой части, а другого от «крепких хозяев». Одновременно с этим продолжает усиливаться борьба за восстановление «лишенцев» в избирательных правах.

По пункту шестому «настаивать на недопущении в Советы бедноты», верхушка деревни полагала, что «беднота – лодыри, не умеют вести свое хозяйство, а потому они не смогут справиться с работой в Советах». Вместе с тем зажиточными крестьянами предпринимались попытки протащить в Совет своих прислужников из бедноты, тем самым обеспечивая себе косвенное влияние на Советы. В сводках ОГПУ зафиксировано совместное заявление хлеборобов Московской и Тульской губерний, в котором говорилось: «Не надо выбирать в Советы бедняков, тогда нам всем труднее жить, так как бедняки нас будут прижимать налогом. Надо выбирать от всего крестьянства, пусть в Совете будут и бедняки, и середняки, и зажиточные» [11].

Многочисленные факты доказывают, что население изучаемых губерний активно поддерживало и экономические требования. Так, требования открытия частной торговли и закрытия кооперативной торговой были поддержаны на отчетном собрании в д. Койданово Клинского уезда Московской губернии. Выступавшие в прениях зажиточные крестьяне говорили: «При кооперации мы стали рабами, конкуренции нет, как было раньше при частной торговле, без вольной торговли дело не наладить» [12, с. 621].

В Подольском уезде той же губернии селяне высказывали даже более радикальную точку зрения: «Нам нужно кооператив ликвидировать и дать возможность торговать частнику, довольно нас грабить». «Если бы была дана свободная торговля, – говорили тульские крестьяне, – мы бы завалили рынок товарами и торговали бы подешевле кооперации» [13, с. 646]. «Крепкие хозяева» требовали пересмотра соотношения цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, развернув активную агитацию против продажи хлеба государству. Зажиточные крестьяне Тульской губернии в довольно резкой форме заявляли: «Не крестьяне те, которые везут хлеб в кооперацию, а сволочи».

Подмосковные хлеборобы утверждали: «Наш крестьянский продукт очень дешев, власть нарочно идет на мужика. Власть повышает цены для того, чтобы больше выжать из крестьян, а рабочему дать поблажку». Селяне прибегали к различным способам, чтобы добиться претворения в жизнь требования о внесении существенных изменений в систему исчисления сельскохозяйственного налога и отмене индивидуального обложения. Зажиточные крестьяне часто апеллировали к середнякам, которые являлись главными налогоплательщиками.

В частности, в Тульской губернии состоятельные крестьяне предупреждали односельчан: «Нас, кулаков, очистят, а потом примутся за вас. Вас, середняков, власть душит с целью сделать из вас бедняков, а вы молчите» [14].

В селении Егапово Шиковской волости Московской губернии местные жители в прениях так характеризовали налоговую политику государства: «Соввласть не сдерживает своего слова, что налог с каждым годом будет меньше, а делает наоборот. В нынешнем году учитывают все, не иначе быть войне». Как наиболее характерное органами ГПУ было выделено выступление на собрании в селе Нижнее Суходолье Тульской губернии: «Радуйтесь, товарищи! Рыков и компартия милостыню прислали – с меня 781 руб. налога. Коммунистам деньги нужны – помогать Китаю. Да только от их помощи толку мало. Налог увеличили не только с нас, но и с вас, середняков. Вы теперь платите в два раза больше, чем платили Николаю-кровопийцу».

Существенную поддержку получило среди сельского населения требование прекратить оказание государственной помощи колхозам и коллективам. Зажиточные крестьяне из Тульской губернии с горечью рассуждали: «Бедноте все помогают, а она не хочет работать, ее очень трудно поднять. Наши товарищи приезжают, и все стараются нас в коллектив загнать, хотят заставить работать по звонкам и гудкам. Нет, вы нас не заставьте, мы еще хотим пожить, мы раньше у государства служили, с нами делали что хотели» [15, с. 862].

Составной частью этого требования была агитация против коллективного землеустройства, создания семфондов, страхования, которое многие крестьяне считали вторым налогом. Так, в Тверской губернии проводились собрания, на которых обсуждались способы срыва землеустройства. На одном из таких собраний крестьяне собрали по 10 р. с человека для дачи взятки. В Московской губернии в один из крестьянских наказов сельские жители включили требование проводить землеустройство для всех групп населения бесплатно [16, с. 513].

Вместе с тем вновь звучали призывы о выделении хуторов, а в случае продолжения экономического давления на деревню сокращать размеры своих хозяйств. Может, эти требования крестьян и не были массовыми, но они отражали в определенной мере умонастроение части деревенских жителей.

Сопrotивляясь разрушительной антикрестьянской политике большевиков, деревня прибегала к самым разнообразным формам и методам борьбы. Одной из наиболее умеренных форм сопротивления деревни стала внешняя лояльность к советской власти и фиктивное проявление советской общественности. Состоятельные сельские жители вступали в массовые общественные организации, открывали в своих домах избы-читальни, участвовали в демонстрациях, стремились быть первыми в проведении общественных работ.

В частности, из Пахомовского района Тульской губернии сообщали, что отдельные лишенцы, несмотря на плохую погоду, начали первыми подвозить к школам дрова, стали активными застрельщиками всех проводимых в деревне кампаний и одновременно с этим подали заявления на восстановление их в избирательных правах. Вместе с тем, по признанию самих властей, было практически невозможно отличить мнимую лояльность зажиточных крестьян от искреннего желания найти свое место в новых социально-экономических реалиях. Следствием этого стало подозрительное отношение к любой помощи, которую верхушка деревни оказывала крестьянскому миру. В сводках ОПТУ такие факты помощи классифицировались как подкуп и задабривание бедноты.

Действительно, в исследуемых губерниях имели место случаи продажи хлеба бедноте по пониженным ценам или передача его в долг, повышение зарплаты батракам и бесплатной очистки зерна безлошадным крестьянам, предоставление денежных ссуд на льготных условиях. Зажиточным селянам приходилось порой оказывать значительное внимание бедноте, лавировать, чтобы сохранить свои хозяйства в сложившихся условиях.

Вместе с тем в крестьянском сознании взаимопомощь между различными слоями деревни была нормой вполне естественной, ведь недаром нуждающемуся помогали «всем миром». Лишь в советской деревне такие факты однозначно оценивались как проявление классовой борьбы. Еще одной формой сопротивления крестьянства, по мнению Информотдела ЦК ВКП (б), являлся подкуп и спаивание общественных работников, их дискредитация, использование партячеек и отдельных коммунистов, с целью снижения сельхозналога или восстановления в избирательных правах.

Так, в Туло-Басовском районе местный зажиточный крестьянин приглашал к себе в дом односельчан, работающих в сельсовете, угощал их вином и агитировал: «Избирать вам надо хороших людей». Аналогичные факты отмечались в Покровском, Озерском, Сергиевском, Синявском сельсоветах Тульской губернии [17]. Довольно распространенным методом борьбы был срыв общих собраний. Об этом свидетельствует информация, приходившая в ОГПУ из Волоколамского уезда Московской губернии, из Новоторжского уезда Тверской губернии, из Комаревского района Тульской губернии.

В обзорах и донесениях, подготовленных Информотделом, указывается, что значительное распространение на рубеже 1920 – 1930-х гг. получили такие формы борьбы, как кулацкие группировки и собрания. О проведении тайных, оппозиционных власти собраний сообщалось из д. Русиново Клинского уезда Московской губернии, из д. Щетинино Арсеньевского района Тульской губернии, из д. Давыдово Кашинского уезда Тверской губернии [18, с. 499, 500, 537, 564, 621].

Вместе с тем материалы архивов свидетельствуют, что власть для оправдания своих действий часто преувеличивала опасность, исходящую, по ее мнению, от жителей деревни. В этой связи представляет интерес донесение, которое пришло из Московской губернии в Информотдел, как пример антисоветского выступления и организации кулацкой группировки: «Рыжковы Рома и Лука, Мелехи Зиновий и Мирон стали собираться вкуче в одном из домов и что-то обсуждать. О чем они говорят и что готовят – дело темное» [19]. И такие сообщения «о кулацких собраниях» не были единичными.

Реакцией населения на политику властей было большое количество слухов, которые будоражили крестьянскую среду. Особенно распространенным был слух о скором начале войны: «Скоро война, советская власть к ней усиленно готовится, потому и хлеба нет». Даже среди милиционеров Московского уезда в 1928 г. ходили упорные разговоры, что «через 10 дней начнется война СССР с Румынией и Польшей». В отдельных местностях говорили о скором возвращении продразверстки, так как «будет война с Китаем и Польшей», в связи с чем часть селян предлагала вообще ничего не сеять, так как «иначе все отберут и нас убьют».

По Тульской губернии шел слух о том, что «голод, который мы имеем сейчас, будет продолжаться еще 5 лет, так как наше правительство заключило пятилетний

договор с иностранными государствами о поставке им хлеба, и весь хлеб теперь Соввласть отправляет за границу» [20]. В 1927 г. по деревням исследуемых губерний активно циркулировали слухи о скорой мобилизации лошадей и рогатого скота, что не только вызвало панику, но и привело к распродаже скота рядом сельхозпроизводителей.

Некоторые радикально настроенные деревенские жители Московской губернии считали, что скорая война – это благо: «Дадут нам крестьянам, оружие, а мы его обратим против Соввласти и коммунистов». Крестьяне Тверской губернии полагали, что в связи с разрывом англо-советских отношений промышленность будет развиваться медленно и промышленные товары будут дорожать [21, с. 72, 75, 84].

Недостаток промышленных товаров и закрытие рынков в Тульской губернии породили разговоры о скорой отмене денег и возвращении к товарообмену. Приезжающие из столицы рассказывали односельчанам, что в городе огромные очереди, так как «скоро все будут выдавать по карточкам». Слухи усиливались тогда, когда государство вступало в конфронтацию с большей частью населения и оказанное на жителей социально-экономическое давление переходило допустимую грань. В предколхозной деревне массовое появление слухов объяснялось стремлением селян найти причину крутого поворота в аграрной политике большевиков.

Кроме того, многие из горожан были тесно связаны с деревней, сами хлеботорговцы ездили в Москву, Тверь и Тулу за товаром, именно они и становились носителями той «почти проверенной информации», которая распространялась в глубинке. Циркулирующие в крестьянской среде слухи через письма, иногда через специально посланных ходоков доходили до регулярных армейских частей, вызывая в них брожение и рост недовольства последними мероприятиями власти. Особый отдел ОГПУ в докладной записке выделял следующие основные моменты в письмах родных в армию:

- 1) Скоро будет война, поэтому правительство запасается хлебом, отбирая его у крестьян.
- 2) Советская власть возвращается к военному коммунизму, в частности восстанавливается продразверстка.
- 3) Соввласть проводит индустриализацию страны и улучшает материальное положение рабочих за счет крестьянства, крестьянство не имеет своего профсоюза - отсюда необходимость создания крестьянских союзов.
- 4) Для защиты крестьянства необходимо вмешательство армии [22, с. 232].

Проанализировав содержание крестьянских писем, Особый отдел ОГПУ приходит к выводу о необходимости фильтрации новобранцев, полагая, что «солдат от сохи» ненадежный союзник, способный в будущем повернуть свое оружие против господствующей системы и спровоцировать новую «крестьянскую» революцию.

Иногда слухи провоцировали и сами официальные органы. Так, работники подмосковной прокуратуры в частных беседах откровенничали: «Через год кулачья, спекулянтов и злостных мельников не будет, а что мы с ними сделаем, скоро узнаете». Секретариат Московского комитета ВКП (б) требовал от городской и уездной прессы не рассуждать о хлебных трудностях, а помещать хроникерские заметки только с визой продовольственного отдела Губторга, что в свою очередь способствовало усилению слухов среди населения [23].

Кроме слухов в крестьянской среде стали распространяться прокламация и листовки, содержание которых было оппозиционно существующей системе. В Воскресенском доме крестьянина (Московская губерния) появилась листовка, в которой было перепечатано «Завещание Ленина». Сообщалось, что «листовка была направлена против тов. Сталина и кончалась призывом: пусть каждый кричит большелоб этой правде».

В Тверской губернии была обнаружена листовка, в которой высказывалось недовольство в связи с перебоями в снабжении села товарами: «Масла нет, мука только недавно стала, керосину нет, обманули народ». Среди крестьян Московской губернии

распространялась прокламация, в которой говорилось: «Троцкий наш гений, и мы должны идти за ним. Остальных вождей за их политику надо утопить в Москве-реке». Похожие идеи излагались и в резолюциях, принятых на деревенских собраниях. Любопытно содержание документа, пришедшего в информотдел Президиума Моссовета в январе 1929 г. из Богородского уезда Московской губернии: «Мы, граждане, стоя на страже рабоче-крестьянской власти, напоминаем всем, что эта власть наша народная, которую мы должны оберегать от всякого посягательства, с какой бы то ни было стороны. Напоминаем руководящей партии, ведущей свою политику социализма в деревне, чутко прислушиваться к голосу народа и избегать всякого насилия» [24].

Однако большинство крестьянских акций продолжало носить стихийный характер и не представляло особой опасности для государства, которое продолжало считать, что «в настоящее время нельзя еще прекращать нажима, он все еще остается необходимым».

Конечно, крестьянство не было безропотным сословием, умеющим лишь приспособляться к сложным коллизиям аграрной политики государства. Внутри деревни зрело недовольство. Пресса начала 1930-х гг., документы архивов содержат сообщения о таких фактах активной борьбы крестьян с властью, как порча общественного имущества, поджоги, вредительство.

Формы активного сопротивления крестьянства (1928 – 1929 гг.) [25]

Губернии	Поджоги	Случаи вредительства	Случаи порчи общественного имущества
Московская	312	147	56
Тверская	117	98	69
Тульская	386	203	109

Подобных фактов было немало в центральных районах РСФСР. Так, в селении Андреевском Каширского уезда, «где количество лишенцев, по сравнению с прошлым годом, увеличилось с 4 до 30 (!), была на днях подожжена рига члена избиркома, которую не стали (!) тушить односельчане».

Этот факт наглядно показывает изменение общинной психологии, которая так свойственна крестьянству. Длительное время помощь ближнему считалась в деревне нормой. Большое количество архивных источников содержит материалы о многочисленных угрозах представителям власти. Как правило, эти угрозы относились к тем членам партийного актива, кто сам проявлял по отношению к односельчанам неоправданную жесткость.

Порой угрозы действительно осуществлялись, о чем говорят донесения с мест о террористических актах против общественных и местных партийных работников, селькоров, хлебозаготовителей. Информационные сводки позволяют воссоздать конкретно-историческую картину крестьянского противодействия. К примеру, в д. Минине (Тульская губерния) за активное участие в хлебозаготовках был избит комсомолец Андриянов. Пострадал и член сельсовета Костриков, изуверенный односельчанами за то, что донес о «скрытых объектах обложения». Крестьяне с. Фенино решили провести собрание по обсуждению ситуации с хлебозаготовками. Начальнику милиции, попытавшемуся им помешать, селяне заявили: «Все равно скоро вы слетите и мы начнем вас вешать» [26].

Жители с. Богородское (Московская губерния) Арбузов и Смирнов попытались избить члена избирательной комиссии Михеева за то, что по его предложению их лишили

избирательных прав. В Дмитровском уезде (Московская губерния) телесные повреждения получил председатель сельсовета за обложение сбора картофеля в хозяйствах инвалидов и школьных работников. Именно последние стали инициаторами состоявшейся расправы.

Известны факты, когда сами местные партийные функционеры выступали с угрозами в адрес деревенских активистов. Так, председатель одного из сельсоветов в Бронницком уезде (Московская губерния) предупреждал селькоров: «Мне только узнать, кто про меня пишет в газетах, тогда я такого селькора живо отправлю на тот свет» [27]. А избач Федорин из Звенигородского уезда сам написал себе записку с угрозами, чтобы в ходе дознания «свалить вину за это» на зажиточных соседей, поскольку они ему «мозолят глаза». Нестабильная, тревожная обстановка в деревне в конце 1920-х гг. приводила крестьян в отчаяние, подталкивая к таким формам сопротивления, как убийства председателей колхозов, секретарей партячеек, уполномоченных по хлебозаготовкам.

Для крестьян эти официальные лица зачастую ассоциировались с губительной политикой, которую проводило государство. Поэтому деревенские жители отвечали на насилие насилием. Так, из Гжельской волости (Московская губерния) сообщали, что выстрелом из револьвера смертельно ранен уполномоченный Уизбиркома тов. Рютов. В Дмитровском уезде был застрелен председатель сельского Совета. В Клинском уезде от многочисленных ножевых ранений скончался селькор газеты «Серп и Молот» [28]. В д. Мошаницы Коломенского уезда (Московская губерния) был убит общественный селькор Никитин, в с. Хорошево того же уезда погиб член сельсовета, селькор Н. Птицын [29, с. 62].

Большевистское руководство, анализируя эти и подобные факты, вынуждено было признавать, что «основные мотивы совершения террористических актов непосредственно связаны с проводящимися в последние годы экономическими мероприятиями».

Верным представляется вывод И.Е. Зеленина, что не классовая борьба, порой искусственно разжигаемая, определяла сущность выступлений в деревне: «Крестьянство в целом, его отдельные слои и группы порой осознанно, а чаще стихийно ожесточенно боролись против произвола и насилия, отстаивая свое право на землю, право быть на ней хозяином» [30]. Сломить их можно было, лишь изменив менталитет крестьянства, что и сделала в дальнейшем в 1930-е гг. коллективизация.

Сталинское руководство внимательно следило за реакцией деревенских жителей, осознавая, что от ее результатов в конечном итоге зависит выбор пути развития России. Победа, одержанная Сталиным в политической борьбе тех лет, предрешила судьбу страны на долгие годы. Факты, свидетельствовавшие об активной борьбе крестьянства с большевистской властью, можно найти и в сборнике под редакцией В.П. Данилова «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» [31]. В нем приводятся статистические данные и сообщения с мест о массовых недовольствах крестьян и реакции руководства страны на достаточно взрывоопасную ситуацию.

Государство, стремясь удержать ситуацию в стране под контролем, принимает решение ускорить процесс судопроизводства. Расширенный пленум Тульского окрисполкома констатировал, что случаи сопротивления властям в Тульской губернии должны разбираться в течение 24 часов. Очевидно, что качество такого следствия было крайне низким и зачастую predetermined. О значительном усилении репрессивных мер свидетельствует циркуляр Тверского окрисполкома, обязывавший привлекать к ответственности тех, кто уличен в укрытии объектов обложения, «с разборкой дел в порядке показательных судебных процессов». А Тульский окрисполком предложил организовать специальные «пятерки» – «карательный орган» для деревенских задолженников и кулаков [32, с. 9]. В случае успеха этот «опыт» должны были перенять и другие губернии.

К тому же государственная машина решила наладить использование труда осужденных крестьян в своих интересах. Циркуляр президиума облисполкома предлагал использовать труд «принудоосужденных» в посевной кампании, а именно при вспашке

полей маломощным хозяйствам, колхозам и совхозам; при очистке семян, причем на принудительных работах не исключалось использование инструментов и инвентаря самих осужденных [33, с. 31]. Под влиянием жестких репрессивных мер масштабы и характер выступлений крестьян к 1929 г. изменились. Накал их постепенно ослабел, перейдя в фазу пассивного сопротивления.

Этому способствовало и широко распространенное среди селян мнение, что «отец народов» просто не знает, что происходит на местах, и если ему открыть всю правду, то он тут же восстановит справедливость и накажет зарвавшихся чиновников. Правда, существовала и другая точка зрения, которую высказывали наиболее дальновидные крестьяне: «Уже 10 лет советской власти, а что дала она крестьянам – ничего. Высшее правительство, вроде бывшего царя, оно решает государственные вопросы. А крестьянам бесполезно туда обращаться со своими нуждами. Налог если и скидывают с бедноты, то перекидывают его на середняка.

Спросите их, почему нельзя взять из-за границы товары для крестьянства. Ведь там они гораздо дешевле и лучше, так нет, они хотят развивать свою промышленность. Держат на заводах людей с большими окладами» [34]. Катализатором недовольства крестьян были не только налоговый гнет и экономическая дискриминация, но и «сопоставление жизни рабочих с собственным бытием» [35, с. 198]. Тульские крестьяне упрекали правительство в той огромной пропасти, которая появилась между бытом горожан и селян: «...посмотрите, какой вид имеют теперь рабочие и их жены. Они выглядят полуинтеллигентами, так как материальное положение их, несомненно, улучшилось» [36, с. 16].

Крестьянин И. Патрикеев в своем письме к М.И. Калинину сопоставляет жизнь рабочих и селян: «Пролетариат и рабочие зарабатывают от 50 до 90 руб. в месяц, довольствуются здравоохранением, школой, страхованием жизни, имеют книжки для получения мануфактуры с фабричных магазинов». А крестьяне «роются темными кротами в земле, целые 17 часов в сутки, с утра до вечера и в результате получается, разве только середняк 75% своего существования оправдывает от земли. В то время бедняк и 50%, это в урожайный год. Откуда выжать тот доход, чтобы обеспечивать продуктами существование семьи, не считая непрерывных расходов?» [37, с. 78–79].

Подобные контрасты вызывали у жителей села не меньше раздражения, чем двойной стандарт в экономической и политической стратегии власти по отношению к рабочему и аграрию. Н.И. Бухарин в своем выступлении на июньском 1928 г. Пленуме ЦК ВКП (б) поставил перед присутствующими следующий вопрос: «Но можем ли мы сказать, что у нас есть реальная угроза смычке между рабочим классом и крестьянством?» И ответил на него: «Можем, и мы должны, исходя из констатирования этого факта» [38].

Однако недовольство крестьян не вылилось в жесткую конфронтацию с властью. Довольно пассивное противодействие деревни чрезвычайным мерам порождало у режима уверенность в том, что намеченную радикальную ломку жизни крестьянина-единоличника деревенское общество примет без особых эксцессов.

Фактически «чрезвычайщина» в отношении деревни в 1928–1929 гг. была, образно говоря, «разведкой боем» накануне сплошной коллективизации. Она показала власти, что расколотый и частично деморализованный деревенский мир не способен дать сколько-нибудь организованный отпор очередному масштабному эксперименту, самому тяжелому для непосредственного производителя способу вне рыночной модернизации аграрной сферы. Позже это вылилось в сталинскую формулу - «революция сверху». Последовавшая за свертыванием НЭПа сплошная коллективизация «взорвала» крестьянский мир, поставив на его место принудительную структуру аграрного производства, социалистическую только лишь по форме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 3–29. Ф. 17. Оп. 32. Д. 176. Л. 1–73.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 3–29; Ф. 17. Оп. 32. Д. 176. Л. 73.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 3–4.
4. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. М.: Материк, 2000.
5. Там же.
6. Там же.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 4.
8. Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход 1926–1929 гг. // Историческое значение НЭПа. М.: Наука, 1990.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: «РОССПЭН», 1999.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 5, 7, 8.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 9.
12. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. М.: Материк, 2000.
13. Там же.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 12.
15. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. М.: Материк, 2000.
16. Там же.
17. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 77, 78, 90, 91.
18. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. М.: Материк, 2000.
19. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 782. Л. 77.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 27.
21. Трагедия советской деревни. Коллективизация...
22. Там же.
23. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 217. Оп. 22. Д. 853. Л. 40.
24. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 111. Л. 88.
25. Составлена по: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 298. Л. 72; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 3–29.
26. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 23. Д. 8. Л. 74, 21; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1825. Л. 66, 10.
27. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 17. Д. 81. Л. 72; Оп. 23. Д. 8. Л. 241; Оп. 22. Д. 559. Л. 7.
28. Там же. Ф. 66. Оп. 17. Д. 81. Л. 71.
29. Время, собранное вместе. М.: Политиздат, 1972.
30. Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» // История СССР. 1990. № 6.
31. Трагедия советской деревни. Коллективизация...
32. Бюллетень Тульского окрисполкома и горсовета. 1929. № 9.
33. Бюллетень Тверского губисполкома. 1929. № 12–13.
34. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 298. Л. 4.
35. Литвак К.Б. Жизнь крестьянина 20-х гг.: современные мифы и исторические реалии // НЭП. Приобретения и потери. М., 1994.
36. Бюллетень № 3. Двенадцатый Тульский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тула, 1927.
37. Там же.
38. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375 (ч. 2). Л. 60.

KEY PROBLEMS OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS (VKP(b)) AND THE SOVIET GOVERNMENT IN THE AGRARIAN SPHERE AT THE END OF THE 1920s AND BEGINNING OF THE 1930s

*T.A. Melnikova, PhD in History, First Vice President
of the North Kuban Institute of Humanities and
Technology*

The article considers the policy the Bolsheviks and the Soviet government in villages in the 1920s, the beginning of the 1930s of XX century. The thorough analysis of change of labour relations in the rural economy during collectivization and industrialization period has been given. The process of agrarian transformations in the country, aimed at transforming the peasant world into the part of the state system and putting of the agricultural production under the control bureaucrat`s device has been considered. The opposition between the peasants and the pressure of Bolsheviks, social and property stratification in villages, struggle of interests of various social groups has been shown.

Keywords: *village, agrarian sector, property stratification, peasantry, community, peasant issue, collectivization, industrialization, social stratification, labour relations, bureaucracy.*